

научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные

исследования
<https://stnb.petrso.ru>

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

<http://petrsu.ru>

УДК 821.161.1

Остров Готланд в русской литературе XX века: топики, мифология, поэтика

МИНЕЕВА

Инна

Николаевна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и
журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
ruslitemig@mail.ru*

Ключевые слова:

современная русская литература
«шведский» текст русской
литературы
остров Готланд
культура перемещения
Т. Бек
В. Гандельсман

Аннотация:

Статья посвящена проблеме восприятия острова Готланда русскими писателями на рубеже XX—XXI вв. В «шведском» тексте русской литературы Готланд занимает центральное место. К готландским темам и образам обращаются поэты и прозаики, проживавшие / проживающие на транснациональных приграничных территориях или посещавшие / посещающие Швецию в качестве переводчика, журналиста-международника, путешественника (Т. Бек, В. Гандельсман, Н. Иванова, Т. Кибиров, Н. Толстая, Б. Улановская, И. Фояков). Выполненный анализ показал, что образ Готланда реконструируется с помощью системы как мировых, так и территориальных (островных) символов. Основными формирующими готландский культурный ландшафт символами являются небо, остров, море, корабль, церковь (кирха), птицы, камни, дерево, воздушные стихии. Однако несмотря на обращение писателей к общекультурным и региональным знакам, восприятие шведского острова для каждого из них будет индивидуальным. Для одних современный Готланд — олицетворение детства, божественной любви и благодати, творческой свободы, вдохновения, разностилья и коммуникации. Для других — край исторических, политических, социальных и ментальных контрастов и катаклизмов, порожденных надвигающимся из «вне» глобализованным хаосом. Шведский остров не смог противостоять материковой дисгармонии, что привело к разрушению его дивной природы, рукотворной красоты, появлению абсурдных пейзажей. Наиболее распространенные художественные приемы в создании островного ландшафта — антитеза, сравнение, гиперболы, метафора.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Рубеж XX—XXI вв. — начало формирования «шведского» текста русской литературы. Однако здесь мы имеем дело с одновременно парадоксальным и в то же время вполне объяснимым фактом. «Шведский» текст русской литературы формируется не только «внутри» самой Швеции, благодаря творчеству эмигрантов, но и «вне» ее географических границ. Есть отдельные случаи, когда писатели

долгое время находились на территории скандинавского королевства, но не в качестве эмигранта, получившего второе гражданство, а путешественника. После возвращения домой — в Россию, Великобританию, Америку — многие из них оставили художественные отклики о своем пребывании в Швеции, на островах Балтийского моря, фьордах и водопадах [1].

Центральное место в формировании «шведского» текста занимает образ Готланда. О балтийском острове писали и пишут прозаики и поэты главным образом из России и США, проживавшие / проживающие на транснациональных пограничных российских территориях или часто посещавшие / посещающие Швецию в качестве переводчиков со скандинавских языков, журналистов-международников или просто путешественников. Назовем их имена и произведения, в которых нашли свое отражение готландские реалии: Т. А. Бек («Шведская тетрадь»), В. А. Гандельсман («Готланд»), Н. Иванова («Остров»), Т. Ю. Кибиров («Нотации. Книга новых стихов»), Н. Толстая («Праздник Средневековья»), Б. Улановская («Шведские гуси»), И. Фояков («Воскресенье на Готланде») и др.

Анализ повестей, рассказов, очерков, эссе названных авторов показал, что образ Готланда реконструируется ими с помощью системы символов. Характерными символами Готланда являются как образы общемировые (море, небо, земля, корабль, ветер, птица), так и региональные (кирха, камни). Эйдологическая система — ключ и к интерпретации островного облика. Между тем, несмотря на обращение писателей к общекультурным и национальным (шведским) знакам, взгляд на Готланд для каждого из них будет индивидуальным.

В рамках данной статьи представим трактовки образа Готланда в поэтическом творчестве Т. Бек и В. Гандельсмана.

Остров Готланд как (пра)родина свободы vs несвободы?

Поэтический опыт Т. Бек

Татьяна Александровна Бек (1949—2005) — поэтесса, историк литературы, критик, переводчица со шведского и датского языков. Со скандинавской историей и культурой Т. А. Бек связана генеалогически, профессионально и творчески. Невольно идентифицируя себя с человеком североευропейского происхождения, она писала: «Для меня родовые корни отнюдь не пустые слова. Верю в мистику происхождения. Мой отец Александр Альфредович Бек — из обрусевших датчан. Согласно семейной легенде (отец — с его пристрастием к фактам и документам — уже в 60-е удостоверялся в ее точности, покопавшись в ленинградских архивах), прадеда, Христиана Бека, “выписал” из Дании сам Петр I в качестве опытного почтмейстера — организовать российскую почту. От скандинавов досталась по наследству странная во мне обязательность, даже занудливый педантизм» [3].

Семейно-родовая история интуитивно подтолкнула Т. Бек к выбору будущей профессии. В 1972 г. она окончила факультет журналистики МГУ со специализацией «Шведский язык». За сделанным поэтессой профессиональным выбором скрывалось ее внутреннее, пока неосознанное стремление к познанию и узнаванию своей скандинавской прародины. В ситуации советского «железного занавеса» в ее сознании сработали законы культурной и исторической памяти как некоего способа противостояния культивирующемуся в стране информационному «голоду» и создававшемуся религиозному и культурному «вакууму». Однако несмотря на предпринятую попытку постичь дух скандинавской ойкумены, ее облик все же оставался для Т. Бек в пору студенчества туманным и бледным. Мешала идеология. Для советского человека, как вспоминала поэтесса уже в зрелом возрасте, Скандинавия была полузакрытым пространством [4]. Искусственно создающийся на страницах советских учебников образ североευропейских государств не давал созидательного импульса. «В университете, — писала Т. Бек, — я учила шведский язык, пассивно его знала, хотя никогда не говорила... И хотя получала за него свои “пятерки”, знала его, как мне казалось, на уровне словаря. Во всяком случае, имела довольно смутное представление о том, как звучит живая шведская речь на самом деле» [4]. Активизировавшееся в студенческие годы внутреннее скандинавское горение столкнулось с внешней тупиковой советской событийностью.

Возможно, сформированные в семье и приобретенные во время учебы знания о скандинавской ойкумене так бы и остались в жизни и творчестве Т. Бек инертными и не востребуемыми, если бы не один случай. В «глухом» 1976 г. ей предложили сделать несколько переводов со шведского языка для готовящейся тогда к публикации антологии «Современная шведская поэзия» (М., 1979). В то время, по словам поэтессы, «подобные книжки... считались... редкостью... Выпустить такую книгу — все равно что прорубить окно в Европу» [4]. Т. Бек согласилась на предложение коллег и с энтузиазмом взялась за переводы, открывшие ей новые грани североευропейской (пра)родины. В ее переводах на русский язык

вышли стихотворения шведского поэта и епископа Э. Тёгнера (*Esaiás Tegnér*, 1782—1846), лирика, театрального критика, искусствоведа, переводчика классической китайской и современной европейской и американской поэзии, доктора философии Упсальского университета Э. Блумберга (*Erik Blomberg*, 1894—1965), книги лауреата Нобелевской премии по литературе П. Лагерквиста (*Pär Lagerkvist*, 1891—1974), поэзия крупнейшего поэта XX в., «трагического элегика», лауреата Нобелевской премии по литературе Т. Транстремера (*Tomas Gösta Tranströmer*, 1931) и др.

Как вспоминала Т. Бек, в процессе работы над антологией включались ее «шведские гены» [3]. Часто по мотивам шведских переводов она создавала собственные стихотворения. Ближе всех для нее стала поэзия Т. Транстремера, которую она переводила нерифмованным стихом [3]. Это был сложный стиховедческий, творческий и лингвистический эксперимент [6], [9]. Согласно воспоминаниям Т. Бек, она была потрясена поэтическими «признаниями» и «неочевидной исповедью» шведского поэта: у него «все происходит при свете смерти», «он так смотрит на мир... он смотрит на мир открытыми глазами, потому что знает, что видит все в последний раз» [10]. Поэтессу заворожили его интенсивно организованные верлибры, сильно выраженные аллитерации, внутренние рифмы [10]. Несмотря на то что Т. Транстремер олицетворяет собой образ национального шведского мировосприятия во всеобщем мировом целом, выходящем за рамки узко национального, все же исключительно шведским в его лирике Т. Бек называла «Цвет. Колер. Не только световой, но и звуковой. Все как будто сквозь серую дымку. Серую — не в смысле скучную, а того цвета, какой бывает у некоторых импрессионистов. Цвет балтийского тумана» [10].

Современники Т. Бек неоднократно отмечали ее страсть к путешествиям. Каждая поездка оборачивалась для поэтессы познанием нового, странничеством души, поэтическим откликом на происходящее с ней в иной культурной среде. Из разных далеких стран она привозила с собой стихи. Поездки давали ей мощный творческий заряд, которого хватало, по ее словам, надолго [3]. В беседах с коллегами Т. Бек неоднократно говорила о своей мечте: «Всю жизнь мечтала побывать в Скандинавии. Гены» [4]. Мечта осуществилась. Поэтесса попала в Швецию почти через двадцать лет после своих первых переводческих опытов в 1998 г. Однако при этом знаменательно выбранное ею место уединения — остров Готланд. «Нежданно-негаданно, — вспоминала она, — в середине минувшей осени выпала удача целый месяц погостить в Швеции, в маленьком городке Висбю на острове Готланд» [4]. Между тем скандинавское путешествие подарило Т. Бек не только удивительные мгновения созерцания островных пейзажей. Во время пребывания в северной стране в жизни поэтессы произошло еще одно символическое событие. На Готланде она познакомилась с Т. Транстремером в день его рождения. Об этой незабываемой встрече поэтесса будет вспоминать в дальнейшем не раз.

Путевые впечатления о скандинавском острове нашли свое отражение в одной из самых ярких и глубоких книг Т. Бек — «Шведской тетради» (1998).

Каким же увидела поэтесса Готланд? Говоря об особенностях авторского восприятия балтийского ландшафта, мы сталкиваемся с парадоксальным антропологическим и творческим фактом. Повседневная и творческая рефлексия Т. Бек противоречат друг другу. В устных рассказах Готланд ассоциировался у поэтессы с пространством свободы, музыки, гостеприимства, гармонии и благодати. «Остров необыкновенной красоты, — делилась она в беседах с друзьями. — Готландцы даже считают его “отдельной страной” в Швеции. Эта поездка стала для меня важнейшим событием. Во-первых, почувствовала там необычайный прилив энергии — словно в меня снова вдохнули жизнь. Стали записываться стихи. Во-вторых, на третьей неделе пребывания у меня актуализировался шведский язык, дремавший в голове почти тридцать лет. И вдруг — о, чудо! — я начала с дикими, наверное, ошибками, акцентом, но активно говорить на шведском, понимать разговоры окружающих» [4]. Более того, находясь «там», поэтесса разглядела в Готланде и свою возможную родину, где бы при определенных обстоятельствах она сумела обрести свое творческое «я»: «...если бы... случилась вторая жизнь, в Швеции я, наверное, могла бы жить. Для меня это близкая страна» [3].

Иная тональность в осмыслении островной ойкумены наблюдается в поэтической рецепции Т. Бек. В написанных в Швеции стихотворениях Готланд предстает амбивалентным местом. Это земля исторических, политических, социальных и ментальных контрастов. Именно в северном краю поэтесса остро почувствовала и осознала хаос и трагизм бытия, которые, по ее мнению, превалируют на исходе столетия во всем мироздании. На балтийском острове живописность обречена на вымирание, свобода оборачивается новой несвободой, иллюзией различных благ, гармония соседствует с дисгармонией, (пра)родина оказывается чужой и чуждой стороной, которую мысленно в глубине души трудно принять. Подобные самоощущения приходят к поэтессе далеко не сразу. Они рождаются постепенно по мере освоения ею скандинавского пространства — от радости знакомства с другой географией, бурной

экспрессии через разочарования, состояния обреченности, отчаяния до нового самоопределения.

В шведских стихотворениях Т. Бек главным нервным узлом, точкой напряжения, отражающей ее двойственную рефлексию, является ситуация взаимоотношения внутреннего и внешнего миров, контакта между психологическим миром человека и окружающей его действительностью. Чаще всего подобные соприкосновения оказываются у нее ментально, визуально и интуитивно несовместимыми.

В стихотворении «Готланд» (1998) лирическая героиня представляет собой автопортрет поэтессы, «сгусток» ее основных описанных выше личностных «характеристик», находящийся в обыденной жизни в «разбавленном» состоянии [3]. «Это все я», — говорила Т. Бек [4]. Состояние приобретенного на острове викингов душевного равновесия героини мгновенно разрушается или искажается картиной увиденного. На Готланде во всем сквозит полярность — в описаниях цветов (розы в «слезах», алые хрупкие розы посреди острова, в порту, торгующем рыбой), архитектуры (кирха в строительных «лесах»), лютеранской земли (вотчина в «мундире»), — вскрывающая безысходность некогда процветающего острова от несвободы сегодняшних реалий, ворвавшихся туда из «вне»:

Дикие розы прильнули к стене в слезах, —
Кажется, что молящие: «Смилуйся и приди», —
Алые, мелкие, гордые, острова посреди,
В порту, торгующем рыбой (кто их тут посадил?),
А кирха на реставрации: в стальных «лесах»!
Вотчина лютеранская, втиснутая в мундир,
Военная атрибутика — крейсер... аэроплан... [2]

***

И колокол в полном здравии: вот, разбудил —
Рано, в казенной келье, до петухов (петух —
Надо же, *tupp* по-здешнему): на море, и скорей! [2]

Внимание Т. Бек к предметному миру, прозаическим деталям, мелочам приватного бытия, склонность к изображению самых обыденных предметов в антагонистическом контексте, порождающем эффект абсурда и впечатление одиночества и сиротства, здесь не случайны. Повседневный антураж — от самого приземленного до высокого — наглядно подчеркивает усталость и надломленность островного мира. Его привычный ладный и мелодичный уклад жизни постепенно разрушается. Прием контраста является профессиональным языком Т. Бек [3]. В ее текстах он выполняет не столько эстетическую, сколько объяснительно-параллельную роль. С помощью контраста поэтесса заостряет внимание читателя, укрупняет таким образом «странные» готландские черты, обнаруживает и обнажает их суть.

Единственная по-настоящему радующая героиню на Готланде реалья — шведский язык. В его звучании она слышит продолжение слаженной некогда жизни, видит в нем загадочность и таинственность. Поэтесса отмечает необычную этимологию слов (гуси-лебеди — *svan*; ежик — *igelkott* от *igel* — пиявка + *kotte* — шишка), открывает для себя русско-шведские звуковые перевертыши (петух — *tupp* — можно прочитать слева направо), удивляется новизне найденных значений. Привычные для ее русского уха слова обретают в шведском звучании свежесть, альтернативные символические свойства и атрибуты:

Впрочем, и гуси-лебеди (лебедь по-шведски *svan*:
Прелесть иноречения — как ветер чужих полей) [2]

***

... (петух —
Надо же, *tupp* по-здешнему)... [2]

***

Сколько загадок в чужом языке живёт!
Знай поспевай за спиралью его излишка.
Ёжик по-шведски, представь себе, *igelkott*,
То есть пиявка, которая разом шишка.

Жизнь любопытна вся, несмотря на чин:
Храм — пивоварня — госпиталь — флаг овечий...
А музейный работник с ключом от руин
Песню споёт про Олафа (ихний вещий
Вроде Олега)... [2]

Однако в неоднозначную островную зарисовку вплетается еще один сюжет — история души героини. Готланд становится местом ее национального и культурного самоопределения. Кто «я»? Скандинавка? Русская? Странница? Она стремится зафиксировать себя, разобраться в себе. Образ героини, ее ощущения меняются параллельно развитию сюжета о балтийской жизни. В ней постепенно проступают разные черты. Проверая себя верой во время скитальчества, она утверждает в самоидентификации и приходит к осознанию своей принадлежности к русской культуре. После многочисленных поездок по миру Т. Бек неоднократно подчеркивала: «хотя я обожаю путешествовать, мое место — и психологически, и архитектурно, и фонетически — Москва...мыслить умею только “здесь”... только в Москве я чувствую себя как рыба в воде» [4]. Будучи в Швеции, она впервые почувствовала это:

Я всегда, путешествуя, прочь рвалась, с якорей
(Господи, просквози меня, заморозь и согрей).
С насеста, который — родина, и крест, и одно из двух. [2]

***

Благодарю тебя за позднюю лепоту:
Быть пилигримшей в родственном окоёме. [2]

***

Мельница, хвоя, вереск, ветер в лицо до слёз...
Крест из лесных дощечек: «Спи под звездами, пёс».
Окаменелости моря: *раукур* — вопль немой...
И в небесах над зыбью (Господи!) путь домой. [2]

Изменчивые экзистенциальные переживания героини, преодоление ею испытаний запечатлены с помощью символов, связанных прежде всего с семантикой дерева: крест — мельница — хвоя — вереск — лесные дощечки. В поэтическом словаре Т. Бек дерево является центральным символом. С его образом она связывала надежду на выживание и преодоление препятствий. В связи с этим примечательны ее суждения, высказанные уже после поездки в Швецию: «Раньше в старой Москве, может быть, вы этого не застали, на крыше или на церковном куполе, часто без креста, росло дерево. Для меня это дерево было символом выживания. Казалось бы, уже некуда деть корни! Всё! Но оно ухитряется прорасти даже сквозь камни или кровельное железо» [4].

В воспоминаниях и поэзии Т. Бек уживаются и история Готланда, и автопортрет на фоне времени. Готланд, вдохнувший жизнь и даровавший поэтессе свободу, навсегда остался в ее памяти. Он не стал для нее (пра)родиной, «родственным окоёмом», но подарил ей возможность преодолеть разорванность своего частного бытия и на фоне дисгармонии обрести внутреннюю гармонию. Узнавание с юных лет своей (пра)родины трансформировалось у Т. Бек со временем в ее неприятие. Поэтесса почувствовала «там» знакомую ей по СССР несвободу. Современная скандинавская ойкумена находится во власти хаоса, постепенно разрушающего ее дивную природу и рукотворную красоту. Островная Швеция не смогла избежать надвигающегося из «вне» разрушения. Это предупреждение. Отсюда и та противоречивость в восприятии Готланда, которая обнаружилась при непосредственном контакте Т. Бек с землей викингов.

Готланд как остров божественной любви и благодати. Поэтический опыт В. Гандельсмана

Владимир Аркадьевич Гандельсман (род. 1948) — петербургский поэт, переводчик англоязычной литературы, эссеист. Эмигрировал в США в 1990 г. В настоящее время проживает в Нью-Йорке и С.-Петербурге. Поэзия В. Гандельсмана — постакмеистическая линия русского стиха. Для его творчества

характерны приемы потока сознания и разговорной речи, передача голоса в лирическом стихотворении от одного персонажа к другому, разноударная рифма. Его стихи отличаются интенсивностью душевной энергии, «ошеломляют буквальностью чувств, голой своей метафизичностью, отсутствием слезы» [5].

На Готланде поэт побывал в 2000-х гг. Шведский остров стал для него символом божественной благодати, чуда, где Небо соединяется с Землей. Наиболее показательно в этом плане стихотворение «Запах спящего дерева в церквах. Готланд» (2013). Попав на остров, лирический герой погружается в мир божественной чистоты. Ее колыбелью являются христианские образы — церковь, Христос, роза (святость), дерево, кровь Христа на дереве. Это «затеplенное» и хранимое пространство жизни, где божественным светом освящено все: дом, островитяне, морская волна, небеса, камни, поляны. Оно естественно и первозданно. Не случайно с самого начала стихотворения автор делает акцент на рождающиеся у человека во время пребывания на Готланде ощущения детства, олицетворяющего собой «суть вещей в их чистоте». В эссе «Био» В. Гандельсман писал: «...к этой сути мы возвращаемся, встречаясь с вещами в их “грязном” виде в своей взрослости» [8]. Островитяне сохранили на своей земле утраченные на материках христианские добродетели (вера, свобода, любовь к ближнему, гармония с миром). «Спящее» дерево воскрешает в герое божественную любовь. Метафорами любви являются «остров роз», «сердце в руках монаха», «шелк бабочек», «отсвет земляничных полей», «чудеса»:

Розы, выросшие на камнях,
остров роз,
запах спящего дерева в церквах,
детский Христос,
созданный не Отцом,
а плотником, Его отцом.

Остров, где каждый дом осиян,
где сосной
пахнет кровь Его рисованных ран,
где жив земной
на щеках прихожан
отсвет земляничных полей.

Так доверчивей, и так монах
кормит коз,
словно держит сердце своё в руках,
сланец стрекоз,
шёлк бабочек, шёлк, шёлк,
знающий в лепетанье толк.

Там, где к ночи густеет замес
волн морских
и — под стать им — мускулистых небес,
голос не стих
твой и взгляд не исчез, —
нет исчезновенья чудес. [7]

И. Бродский отмечал, что в стихотворениях В. Гандельсмана есть «любовь любви, любовь к любви — самая большая новация в русском стихе, в этом веке запечатленная» [5]. В мировидении поэта именно остров Готланд возвращает человека в это уже забытое первозданное божественное состояние.

Резюмируем сказанное. В «шведском» тексте русской литературы на рубеже XX—XXI вв. остров Готланд является ключевым символом. В восприятии русских писателей он наделен амбивалентной семантикой — жизнь / смерть, свобода / несвобода, гармония / дисгармония. У каждого из побывавших на острове поэтов и прозаиков уникальный опыт островного видения. Однако всех их объединяют общие впечатления, топика, образы, мотивы. Готланд стал олицетворением божественной любви, творческой свободы, музыки, разностилья и коммуникации между человеком — Богом — природой, островом утрат и преображения. Вместе с тем Готланд не избежал влияния последствий глобализации. Хаотичность и абсурдность — основная черта современного острова. Разрушается его дивная природа, рукотворные памятники, появляются несообразные пейзажи. Свобода сменилась несвободой. Культурный ландшафт Готланда воссоздается с помощью системы как мировых (небо, остров, море, корабль, птицы, камни, дерево, воздушные стихии), так и национальных символов (кирха, камни). Наиболее характерными художественными приемами в создании балтийского пространства являются антитеза, сравнение, гипербола, метафора.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова О. Г. Современный литературный процесс на рубеже XX—XXI вв. в странах Северной Европы : Швеция : учеб. пособие / О. Г. Абрамова, И. Н. Минеева, Е. А. Сафрон ; отв. ред. И. Н. Минеева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 53 с. (В печати.)

2. Бек Т. Узор из трещин : стихи // *Знамя*. 2000. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

3. Бек Т. ...Надо работать / беседа с Е. Константиновой // *Вопросы литературы*. 2005. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/bek12.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

4. Бек Т. ...Я живу в живых / беседа с Е. Константиновой // *Вопросы литературы*. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

5. Бродский И. Предисловие к сборнику стихов Владимира Гандельсмана // *Континент*. 1991. № 66 [Электронный ресурс]. URL: <http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

6. Витковский Е. *Строфы Века – 2*. М., 1998. С. 1199.

7. Гандельсман В. Запах спящего дерева в церквях : стихи // *Знамя*. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

8. Гандельсман В. Био // *Стороны света*. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stosvet.net/10/gandelsman/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

9. Кутик И. *Шведские поэты : переводы и варианты*. М., 1992.

10. Что такое «поэзия Тумаса Транстремера»? // *Независимая газета*. ExLibres. 2010. 10 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-10-04/7_poetry.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

REFERENCES

1. Abramova O. G., Mineeva I. N., Safron E. A. Contemporary literary process at the turn of the XX—XXI centuries in the Northern Europe. Sweden. [Sovremennyy litaraturny protsess na rubezhe XX—XXI vv. v stranakh Severnoy Evropy. Shvetsiya]. Petrozavodsk, PSU Publ., 2013. 53 p. Manuscript.

2. Beck T. The pattern of cracks. Poetry of Znamya, 2000. Vol. 4. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html>). (Accessed 17.08.2013).

3. Beck T. “... I need to work”. Interview by E. Konstantinova of *Voprosy literatury*, 2005. Vol. 4. (<http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/bek12.html>). (Accessed 17.08.2013).

4. Beck T. “... I live in a living”. Interview by E. Konstantinova of *Voprosy literatury*, 2010. Vol. 1. (<http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html>). (Accessed 17.08.2013).

5. Brodsky J. Introduction to the collector of poems by Vladimir Gandelsman of *Kontinent*, 1991. Vol. 66. (<http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>). (Accessed 17.08.2013).

6. Vitkovsky E. *Strofy Veka –2* [Verses of century]. Moscow, Polifakt, 1998. 1199 p.

7. Gandelsman V. The smell of sleeping wood in the churches. Poetry of Znamya, 2013. Vol. 2. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2013/2/g3.html>). (Accessed 17.08.2013).

8. Gandelsman V. Bio of Storony sveta, Vol. 10. (<http://www.stosvet.net/10/gandelsman/>). (Accessed 17.08.2013).

9. Kutik I. The Swedish poets: Translations and versions. [Shvedskie poety: Perevody i varianty]. Moscow, MP Fortuna-Limited, 1992. 158 p.

10. What is the poetry by Tumas Tranströmer? of *Nezavisimaya gazeta*. ExLibres, 2010.10.04. (http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-10-04/7_poetry.html). (Accessed 17.08.2013).

The island of Gotland in russian literature of the xx century: topography, mythology, poetics

**MINEEVA
Inna**

*Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Russian literature and journalism,
Petrozavodsk, ruslitemig@mail.ru*

Keywords:

Contemporary Russian Literature
Swedish text of Russian Literature
the island of Gotland
culture of transition
T. Beck
V. Gandelsman

Summary:

The article is devoted to the formation of the "Swedish" text in Russian literature at the turn of the XX-XXI centuries. The island of Gotland takes the central position in it. As a rule, the writers who live / lived in the transnational, cross-border areas or visit/ visited Sweden as a translator / international journalist / traveler (T. Beck, V. Gandelsman, N. Ivanova, T. Kibirov, N. Tolstaya, B. Ulanovskaya, I. Fonyakov) seek Gotland themes and images. The conducted analysis has revealed that Gotland's image is reconstructed by poets and prose writers through a system of symbols. The main Gotland's characters are the sea, the sky, boat, church, island, birds, tree, rocks, air elements. However, despite the appeal of the writers to general cultural signs, the perception of the Swedish island for each one will be different. For some writers modern Gotland is the personification of creative freedom, inspiration, mystery, comfort, variance and communication. For other authors Gotland is the edge of historical, political, social and mental contrasts generated by imminent "outside" chaos. The Swedish island could not withstand to mainland disharmony, which led to the destruction of its wondrous nature, man-made beauty, the appearance of the absurd sceneries. The most common artistic techniques in the creation of Gotland cultural landscape are the antithesis, comparison, hyperbole, metaphor.